

Екатерина
Свет

Таня
Белкова

ПЕРИНАТАЛЬНЫЙ
ЦЕНТР

Мой
акушер-гинеколог.
Двойная жизнь

Таня Белкова

**Мой акушер-гинеколог.
Двойная жизнь**

«Автор»

«Автор»

2026

Белкова Т.

Мой акушер-гинеколог. Двойная жизнь / Т. Белкова — «Автор»,
«Автор», 2026

Я уехала из Москвы с одним чемоданом и разбитой репутацией. Бывший жених предал меня, и теперь я доверяю только собственным рукам. Но в перинатальном центре Петербурга мне приходится работать рядом с Даниилом Морозовым — акушером-гинекологом, который привык командовать и не отступает даже перед невозможным. Его свитер греет мои плечи, его взгляд заставляет забывать о прошлом. Я слишком хорошо знаю, чем заканчивается доверие мужчине. А он уже решил, что я больше не буду одна. Когда на пороге появляется беременная беглянка, за которой охотятся влиятельные люди, нам предстоит защищать не только чужие жизни. Чтобы остаться рядом с ним, мне придется снова рискнуть сердцем.

© Белкова Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 3	14
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Екатерина Свет

Мой акушер-гинеколог. Двойная жизнь

Мой акушер-гинеколог. Двойная жизнь

Екатерина Свет и Таня Белкова

Глава

1

Ледяной октябрьский дождь косо хлестал в панорамные окна дежурного поста оперблока, превращая огни ночного города в размытые багровые полосы. Было ровно два часа пятнадцать минут ночи. В бесконечных стерильных коридорах Областного перинатального центра стояла та вязкая, обманчивая тишина, которую в экстренной медицине боятся больше всего. Тишина перед внезапной бурей.

Я стояла у окна, прижавшись горячим лбом к запотевшему стеклу. Под темно-бирюзовым хирургическим скрабом мерно бился пульс — привычные шестьдесят ударов в минуту, вымученная годами привычка держать себя в руках, когда внутри всё выжжено дотла. На шее лежала холодная тяжесть фонендоскопа Littmann Master Cardiology, а под вырезом куртки касался ключицы серебряный кулон — ладанка «Помощница в родах», мамин прощальный подарок.

Три недели назад я собрала один чемодан и уехала из Москвы. После того как Кирилл Васильев — мой бывший жених и коллега-однофамилец, человек, с которым мы делили одну постель и одну операционную, — хладнокровно сфальсифицировал историю болезни едва не погибшей VIP-пациентки, свалив разрыв подключичной вены на мои руки. Местная пресса смаковала «ошибку столичной карьеристки», а Кирилл лишь посоветовал мне исчезнуть, пока не утихнет шум. Я сбежала за сотни километров в областной центр третьего уровня, замуровав сердце в железобетонный саркофаг. Здесь на меня смотрели с настороженным прищуром: слишком молодая, слишком независимая, столичная выскочка с ледяным взглядом.

Глухой вой сирены разорвал ночь так внезапно, что стекло мелко задрожало.

На санитарном пандусе с визгом покрышек затормозил тяжелый реанимобиль медицины катастроф. Следом по громкой связи оперблока захлебнулся тревожный зуммер, и механический голос диспетчера пробил барабанные перепонки:

— Красный код в противошоковый шлюз! Дородовое кровотечение, тридцать четыре недели, геморрагический шок три! Плод — брадикардия пятьдесят ударов в минуту! Бригада Морозова — на стол!

Дверь шлюза распахнулась от мощного толчка. Заведующий оперблоком Даниил Андреевич Морозов влетел вихрем, на ходу срывая с широких плеч синий халат. Тридцать семь лет, тяжелая мужская челюсть с темной вечерней щетиной и серые глаза хирурга, знающего цену каждой секунде человеческой жизни. В его фигуре читалась та хищная, собранная грация силы, которая подчиняет пространство без лишних слов.

На мгновение его взгляд скрестился с моим — суровый, оценивающий экзамен:

— Васильева, ты в шлюзе? Сегодня проверим, чему тебя учили в Москве. Не отставать.

— Я не отстаю, Даниил Андреевич, — бросила я сквозь зубы.

Каталка влетела в распашные двери под визг резиновых колес. Запах мокрой шерсти, хлорамина и тяжелый, удушливый металлический дух свежей артериальной крови. На простынях металась Екатерина — двадцать шесть лет, первая долгожданная беременность, тотальная

отслойка плаценты. Кожа белая как гипс, губы искусаны в кровь. Давление 60/20, пульс нитевидный, нарастает генерализованный отек.

Я сорвала защитные колпачки с двух серых катетеров 14G. Пальцами сжала её холодное предплечье. Вены локтевых сгибов полностью спались от массивного обескровливания — сухие белые нити в толще отечной ткани. Игла вышла абсолютно пустой. Монитор мигнул: 50/20.

— Периферии нет! Она уходит!

Я не стала тратить время на слепые поиски. Выхватила портативный датчик Butterfly iQ, щелкнула шнуром в планшет на стойке и нанесла каплю холодного геля на боковую поверхность шеи роженицы:

— Марина, держи голову влево! Захожу в яремную!

На экране возникла черная пульсирующая тень внутренней яремной вены. Рука не дрогнула. Игла Сельдингера вошла под четким УЗ-контролем, гибкая струна скользнула в просвет, и трехпросветный катетер 7 Fg встал на место ровно за двадцать две секунды. В канюлю хлынула темная венозная кровь.

— Солевой раствор струйно под давлением!

Моя рука потянулась к ампуле сукцинилхолина для быстрой индукции.

— Доктор, стойте! — вскрикнул запыхавшийся фельдшер скорой. — Мать звонила: у родной сестры роженицы была злокачественная гипертермия на операционном столе! Никакого дитилина!

Воздух словно замерз. Сукцинилхолин означал мгновенный неуправляемый рабдомиолиз, подъем температуры до сорока трех градусов и остановку сердца. Я швырнула шприц в лоток с резким звоном:

— Отставить сукцинилхолин! Рокуроний сто миллиграммов внутривенно! Сугаммадекс на столик для экстренного реверса блока!

Мышцы пациентки обмякли. Я ввела тяжелый стальной ларингоскоп Макинтош номер три, разводя челюсти. И внутри у меня всё оборвалось.

Вместо белых голосовых складок в свете лампы отечные ткани гортани наглухо перекрыли дыхательный просвет, вздуваясь сплошной багровой бугристой массой — отек третьей степени на фоне тяжелой презклампсии. Смертельный капкан: «не могу заинтубировать, не могу вентилировать». Сатурация на пульсоксиметре покатила вниз с пугающей скоростью: 78%... 70%... 62%! Лицо молодой женщины становилось пепельно-синим.

— Она синеет! — крикнул ординатор. — Скальпель, трахеостомию!

— Назад! На геморрагическом шоке шею резать не дам! — отрезала я.

Я выхватила эластичный буж Frova с изогнутым кончиком куде. Никаких глаз — только обостренная чувствительность подушечек моих пальцев. Я ввела буж вслепую, строго по средней линии под корень языка, сквозь сомкнутые отекие складки. Миллиметр вперед... еще один.

Тук.

Кончик скользнул по твердой преграде.

Тук-тук-тук!

Четкая серия упругих щелчков о хрящевые кольца трахеи отдалась прямо в суставы пальцев!

— Есть трахея! Трубку шестерку на буж!

Я нанизала армированную трубку, протолкнула её сквозь сопротивление тканей и раздула манжету контрольным шприцем. Сжала мешок Амбу: грудная клетка Екатерины плавно и симметрично поднялась, аускультативно — чистое дыхание с обеих сторон. Сатурация на глазах взлетела до 98%!

Морозов за стеклом шлюза коротко и глубоко кивнул:

— Чистая работа, Васильева. Катим в первый оперзал.

В оперзале я переключила дыхательный контур на аппарат Hamilton-C6. От гиповолемического ацидоза у Екатерины вспыхнул острый бронхоспазм — пиковое давление подскочило до опасных 42 см вод. ст. Я мгновенно открыла испаритель севофлурана на 2.5 об% и ввела микроболус кетамина (30 мг), переведя аппарат на адаптивный поток. Через пять секунд бронхи расправились, давление в контуре упало до нормы, капнография дала идеальное ровное плато.

Пульс плода на мониторе сползал к сорока ударам. Внутриутробная агония.

— Поле не обработано! — крикнул ассистент, хватаясь за марлевый корнцанг.

— Марина, аэрозоль! — рявкнул Даниил.

Старшая операционная сестра Марина Петровна веерным факелом спиртового йодопирона залила живот Екатерины за три секунды. Я отсекала наркозную зону стерильной простыней:

— Поле готово! Режь!

Скальпель Морозова рассек кожу по Пфанненштилю одним слитным, невероятно точным движением. Но едва он вскрыл апоневроз, как из глубин малого таза под давлением ударил темно-вишневый фонтан: варикозные вены пузырно-маточной складки были разорваны массивной гематой.

— Зеркало на лоно! Вакуум-аспиратор! — скомандовал Даниил, вслепую эвакуируя литр сгустков.

Он рассек нижний сегмент матки и погрузил кисть внутрь за головкой ребенка. И в ту же секунду его пальцы намертво заклинило: ишемизированный миометрий ответил судорожным спастическим кольцом, зажав шею малыша.

— Спазм нижнего сегмента! Снежана, нитроглицерин!

Я мгновенно ввела микроболус нитроглицерина 50 мкг. Оксид азота расслабил миоциты, судорожное кольцо разжалось, и Даниил мягко вывел головку в рану. На тридцать восьмой секунде от разреза синюшный недоношенный мальчик оказался в руках хирурга.

Ребенок не плакал. В огромном, залитом слепящим светом оперзале повисла страшная тишина, разрезаемая лишь мерным шорохом дыхательного автомата.

Тельце малыша удерживала пуповина: два тугих истинных витка врезались в шею и плечико как удавка. Даниил завел кончики пальцев под петли, наложил два прямых зажима Кохера и рассек пуповину ножницами Купера.

— Неонатологу! — передал он скользкое тельце в подогретую стерильную пеленку.

Мальчика перенесли на столик под лучистую лампу. Ручки и ножки безвольно свисали, кожа отливала восковой мертвенной бледностью. Дежурный неонатолог послушал крошечную грудную клетку и в ужасе опустил стетоскоп:

— Тонов сердца нет. Асистолия. Ноль по Апгар. Мы опоздали, он мертв...

— Не смей опускать руки! — крикнула я через плечо Морозова, и мой голос хлестнул по нервам бригады. — Он жив! Трубку два с половиной в трахею, прямо сейчас! Адреналин ноль один миллилитра на килограмм эндотрахеально! Начать закрытый массаж сердца — три к одному двумя большими пальцами! Качай!

Мой окрик вышиб оцепенение из врача. Тонкая трубка скользнула в голосовую щель ребенка, ассистентка впрыснула каплю раствора, и пальцы неонатолога застучали по груди: раз, два, три — вдох. Восемь секунд. Десять.

И вдруг стетоскоп уловил первый упругий толчок:

— Есть ритм! Пульс сто двадцать! Он теплеет, порозовел!
А на операционном столе разворачивалась новая катастрофа.

Даниил выделил и удалил полностью отслоившуюся плаценту — огромный темно-бордовый сгусток с рваными краями. Перед нами предстала классическая матка Кювелера: миометрий тотально имbibирован кровью, стенки дряблые, грязно-фиолетовые, с мраморными синюшными пятнами апоплексии. Мышечные волокна парализованы, из зияющих сосудов хлестала темная кровь — общая кровопотеря перевалила за 1400 миллилитров.

Ассистировавший дежурный хирург в панике схватил массивные зажимы Микулича:

— Даниил Андреевич, она истечет за две минуты! Миометрий мертв, здесь матка Кювелера! Надо убирать орган, экстирпация без придатков, иначе потеряем женщину прямо на столе!

Морозов резким движением окровавленного предплечья сбил зажимы вниз:

— Ей двадцать шесть лет! — прорычал он, и в его голосе звенела такая несокрушимая мужская мощь, что ассистент отшатнулся. — Это её первый ребенок! Она проснется матерью и полноценной женщиной! Я накладываю компрессионный каркас Б-Линча! Марина, мононить PDS номер два на большой колющей игле!

Это был колоссальный риск. Протокол провинциального стационара требовал немедленного удаления органа. Но Морозов стоял насмерть. Он вывел матку наружу, сжимая её обеими ладонями в непрерывном массаже:

— Снежана, окситоцин двадцать единиц струйно! Карбетоцин сто микрограммов болюсом!

Препараты ушли в центральную вену. Даниил начал прошивать матку снизу вверх, перекидывая толстую нить через дно, как лямки рюкзака. Но едва он потянул петлю, рыхлая ткань надрезалась о край сосудистого пучка, грозя прорезаться насквозь.

— Ткань режется как бумага! — выдохнул Даниил, и по его виску скатилась капля пота.

— Пластины Тахокомба под дно! — крикнула я, перегибаясь через экран. — Гемостатический коллаген распределит давление и защитит серозу!

Даниил уложил пластины под петли и плавно стянул узлы. Компрессионный каркас надежно охватил тело матки, сдавливая зияющие синусы.

Тут газоанализатор у меня за спиной выдал тревожный звуковой сигнал: гемоглобин 45 г/л, гематокрит 14%, лактат 6.2 ммоль/л. Кровь превратилась в розовую воду, нарастала гемическая гипоксия.

— Прекратить кристаллоиды! — приказала я анестезистке. — Включай скоростной инфузомат «Белмонт» с подогревом! Первую отрицательную эритромассу на линию под давлением!

Подогретая до тридцати семи градусов кровь ворвалась в вену со скоростью 200 мл/мин, затормозив падение давления на отметке 85 на 50.

Даниил завязал швы Б-Линча, но из влагалища продолжала сочиться темная венозная кровь:

— Шейка и нижний сегмент воронкообразно расширены, наружные петли туда не достают...

— Сэндвич-гемостаз! — твердо сказала я. — Баллон Жуковского трансвагинально навстречу наружным швам!

Даниил осторожно завел силиконовый баллон через шейку в полость матки, и я шприцем Жанэ раздула его согретым физраствором до 300 миллилитров. Внутренний гидробаллон прижал стенки нижнего сегмента изнутри прямо к наружным компрессионным петлям шва Б-Линча.

Кровотечение из половых путей остановилось мгновенно. В операционной наступила долгожданная сухость.

Глава

2

Пока Даниил Андреевич удерживал компрессию в ране, а я боролась за каждый миллиметр ртутного столба на мониторе Екатерины, старшая операционная сестра Марина Петровна Ковалёва выскочила в коридор с пустым изотермическим контейнером. Запасы донорской

эритроциты в операционном холодильнике подходили к концу, а нарастающая коагулопатия требовала немедленного вливания свежзамороженной плазмы.

Внезапно за панорамным окном глухо гроыхнуло.

Свет в оперзале на мгновение просел, лампы бестеневого купола мигнули, и аппаратура тревожно зазуммерила, переходя на кратковременное питание от внутренних аккумуляторов. В ту же секунду на настенной панели громкой связи оперблока с треском включилась линия селектора.

— Оперзал номер один, приём! — сквозь густой белый шум и свист наводок пробился прерывистый голос Марины Петровны. — Скачок в сети вырубил лифтовую тягу! Грузовой лифт намертво встал между этажами, на табло системная ошибка! Я бегу по пожарной лестнице в цоколь!

— Марина, быстрее! — крикнула я в микрофон гарнитуры, вводя очередной болюс норадреналина. — У Екатерины систола семьдесят, гемоглобин на пределе!

Секунды растянулись в бесконечность. Сквозь открытый канал селектора мы слышали гул центрифуг трансфузиологии и прерывистое дыхание Марины. А затем в динамике зазвучал встревоженный голос дежурного лаборанта Любы:

— Марина Петровна, экспресс-агглютинация показала агрессивные экстраагглютинины по системе Келл! Роженица Келл-положительная с высоким титром антител! Стандартную первую отрицательную лить нельзя, будет острейший внутрисосудистый гемолиз и шок прямо на столе! Нужен строго Келл-отрицательный фенотип ссее!

— Где он?! — крикнула Марина в интерком цоколя.

— В бронированном криосейфе резерва! Но перепад напряжения выбил питание автоматики! Замок заблокировался, на табло таймер блокировки на пятнадцать минут!

— Пятнадцати минут у нас нет! — отозвался от стола Морозов, не отрывая окровавленных рук от миометрия. — Ломай его к чертям!

Из селектора донесся металлический лязг, глухой удар и хриплый выдох Марины Петровны.

— Лом с пожарного щита! — донесся ее голос. — Люба, отойди, я упираюсь в дверцу!

Раздался оглушительный треск лопнувших каленых болтов, скрежет корежимого железа — и победный возглас:

— Вскрыла! Два контейнера Келл-отрицательной, фенотип ссее, у меня! Но плазма заморожена до минус тридцати, а размораживатель «Термо-Бриз» сгорел от скачка!

— Греть вручную! — скомандовала я в микрофон, чувствуя, как пульс стучит в висках. — Бак с дистиллятом строго тридцать семь и пять десятых градуса! Массируй пакеты в воде, не перегревай, береги пятый и восьмой факторы свертывания!

В динамике послышался плеск горячей воды. Семь бесконечных минут мы оперировали под ритмичные всплески и тяжелое дыхание Марины, бережно оттаивавшей драгоценную янтарную плазму руками. И когда пакеты согрелись, интерком внезапно донес резкий, командный окрик:

— Ковалёва, стоять! Куда тащишь редкую кровь?! В терапии лежит замминистра дорожного хозяйства с повторным прободением язвы! Распоряжением департамента редкий фенотип забронирован за ним! Немедленно сдай контейнер!

Это был начмед больницы Смирнов.

— Да пошел ты к черту со своим департаментом! — яростно рывкнула в ответ Марина, и в динамике клацнула сталь. — Видишь ножницы, Смирнов? У Морозова на столе погибает первородящая девчонка! Шагнешь к сумке, Смирнов, — я всажу тебе эти бранши в сонную артерию прямо под щитком и сама напишу чистосердечное в Следственный комитет! С дороги!

В динамике раздался шум отпрянувшего тела, топот бегущих по ступеням ног — и связь с шипением оборвалась.

Спустя полторы минуты распашные двери оперзала с грохотом распахнулись.

В шлюз влетела Марина Петровна Ковалёва — запыхавшаяся, с белыми полосами побелки от пожарного щита на бирюзовом хирургическом костюме, но с победно сияющими глазами. В руках она держала покореженный, покрытый каплями конденсата изотермический контейнер:

— Доставила! Келл-отрицательная эритромаасса, фенотип ссее, и четыре дозы согретой плазмы!

— Марина, ты чудо! На линию под давлением! — выдохнула я.

Стандартная игла капельницы тут же забилась фибрином из-за высокой вязкости. Я вырвала систему, подключила магистраль с каскадным микроагрегатным фильтром 140 мкм и прокачала помпу-грушу, пустив струю со скоростью 150 мл/мин.

Контрольная пробирка Ли-Уайта на моем столике показывала жидкую несворачивающуюся кровь — тяжелый ДВС-синдром.

— Марина, два грамма фибриногена и криопреципитат внутривенно болюсом! Транексамовую кислоту двадцать миллиграммов на килограмм!

Через три минуты в пробирке образовался плотный, несминаемый эластичный сгусток. Диффузное пропотевание из раны прекратилось. ДВС-синдром был купирован.

— Запускаем реинфузию! — скомандовала я, включая аппарат «Селл Сейвер Элит».

В стеклянном колоколе центрифуги закружилась кровь, собранная вакуумом из брюшной полости. Но едва насос набрал обороты, всасывающая трубка забилась смазкой и амниотической жидкостью. Я мгновенно переключила поток на резервную двухкамерную магистраль с фильтром 40 мкм и включила скоростной режим центрифугирования Латама — 5600 оборотов в минуту. В мешок возврата потекла алая отмытая суспензия собственных эритроцитов Екатерины с гематокритом 65%.

Вдруг датчик показал падение температуры ядра тела роженицы до 34.6°C. Подкрадывалась смертельная триада: гипотермия, ацидоз, коагулопатия. На кардиомониторе проскочила первая желудочковая экстрасистола.

— Даниил, она остывает! Триада смерти!

Я укутала пациентку конвекционным термоодеялом «Бэр Хаггер», нагнетая согретый воздух на сорок два градуса.

— Два литра физраствора сорок градусов на стол! — скомандовал Морозов.

Он щедро залил горячий стерильный раствор прямо в брюшную полость и малый таз. Термический лаваж и воздушное одеяло подняли температуру тела до 36.4°C за восемь минут, желудочковая эктопия бесследно исчезла.

Даниил опустил руки глубже в рану, проводя финальную ревизию:

— Стоп... Гематома под левой широкой связкой матки с кулак.

Он аккуратно надсек листок брюшины: разорванная яичниковая артерия сбрасывала кровь в забрюшинную клетчатку, подбираясь к левому мочеточнику. Работая с ювелирной точностью, Даниил пальцем отвел мочеточник в сторону, наложил зажим Оверхольта на сосудистую ножку и перевязал её двойным шелком номер один. Гематома моментально спалась, мочеточник остался абсолютно интактным.

Первые 800 миллилитров аутоэритроцитов из Селл Сейвера вернулись в русло Екатерины, давление поднялось до 115/75. Внезапный скачок калия вызвал короткую пробежку желудочковой тахикардии — я моментально купировала её болюсом лидокаина и глюконата кальция, стабилизировав синусовый ритм на 84 ударах в минуту.

И тут тревожно завыл пульсоксиметр на столике неонатологов:

Сатурация новорожденного мальчика в кювезе рухнула до 64%! Левая сторона грудной клетки замерла — развился тотальный ателектаз! Молодой врач схватил длинную иглу, готовясь колоть плевру при подозрении на пневмоторакс:

— Пневмоторакс слева, надо дренировать!

— Стой! — крикнула я через стекло, взглянув на сантиметровую шкалу трубки во рту ребенка. — Никакого пневмоторакса! Трубка провалилась в правый главный бронх! Подтяни трубку вверх ровно на семь миллиметров и дай плавный расправляющий вдох двадцать миллибар!

Врач ослабил пластырь, сдвинул трубку на семь миллиметров назад и нажал силиконовый мешок. Альвеолы с тихим щелчком наполнились воздухом, и в следующую секунду тишину огромной операционной разорвал яростный, звонкий, требовательный крик новорожденного мальчика!

Сатурация малыша взлетела до 99%.

Даниил замер у операционного стола. Под его чуткими руками матка Екатерины порозовела, наполняясь живой согретой кровью. Мышечные волокна миометрия туго сократились в плотный шар величиной с грейпфрут, обе маточные артерии пульсировали мощно и ровно.

— Она жива, Снежана... — выдохнул Даниил. — Мы сохранили орган.

Морозов ушил апоневроз прочной нитью Максон. Я мягко сняла мышечное напряжение микроинфузией пропофола через дозатор, и Даниил наложил на кожу тончайший косметический шов монокрилом под прозрачную пленку Тегадерм.

Операция была завершена.

За панорамными окнами оперблока ночной дождь утих, уступив место прохладному жемчужно-серому рассвету. Екатерину переложили на каталку — давление 115/70, гемоглобин 92 г/л. Рядом в кювезе Dräger ровно посапывал спасенный сын весом 1900 граммов под назальным СИПАП.

Я подошла к локтевому умывальнику в предоперационном шлюзе, стянула перчатки и включила холодную воду. От адреналинового отката меня накрыл тяжелый озноб, пальцы мелко дрожали от усталости.

Внезапно тяжелое, сухое тепло опустилось мне на плечи.

Я вздрогнула. Позади стоял Даниил Морозов. Он набросил на мои плечи свой плотный шерстяной свитер графитового цвета — просторный, хранящий тепло его тела, с терпким ароматом кедра и свежего ветра. Даниил бережно запахнул края вокруг моей шеи, взял вафельное полотенце и осторожно промокнул мои озябшие мокрые ладони. Его руки были обжигающе горячими.

— Ты замерзла, Снежана, — негромко сказал он. В его серых глазах больше не было настороженности. — Ты сегодня сделала невозможное. Твой буж... и то, как ты завела сердце пацана на пятнадцатой секунде... Я пятнадцать лет у стола, Васильева. Но такой филигранной работы бужем вслепую и хладнокровия на асистолии я не встречал. Спасибо. Без тебя я бы их не спас.

Я посмотрела на него снизу вверх, чувствуя, как кедровое тепло прогоняет московский холод:

— Ты сохранил ей орган, Даниил Андреевич. Никто в Москве не решился бы шить Кювелера при полутора литрах потери — все вырезали бы под корень. А ты спас.

Морозов устало улыбнулся уголками губ:

— Значит, сработались. Пойдем. Сдадим парня в детскую реанимацию, а потом я напою тебя нормальным чаем в ординаторской. Я завариваю с горным чабрецом и лесной земляникой, тебе понравится.

Он придержал тяжелую дверь шлюза. Я шагнула следом, кутаясь в его свитер, и впервые за долгое время почувствовала, как внутри тает лед.

Эта ночь изменила всё.

Глава 3

Утро наступило незаметно, смыв ночную тьму мутным молочным светом. Было ровно семь часов пятнадцать минут. В отделении реанимации новорожденных царил благословенный полумрак, рассекаемый лишь мягким янтарным свечением кардиомониторов и мерным, баюкающим шепотом дыхательных сервовентиляторов.

Я сидела на круглом винтовом табурете у прозрачного овального купола инкубатора Dräger Isolette C2000. Мои плечи грело тяжелое, сухое тепло — просторный свитер Даниила графитового цвета грубой мериносовой вязки. Он был велик мне на несколько размеров, доходил почти до колен и пах кедровым деревом, утренним ветром и спокойной мужской силой. После трех часов ночного ада этот свитер казался мне единственным островком настоящей защиты в чужом городе.

За стеклом кувеза лежал спасенный ночью мальчик. Крошечный, весом в тысячу девятьсот граммов, с тонкими, почти прозрачными пальчиками.

Тихо щелкнула герметичная дверь шлюза. В палату вошел Даниил Морозов. Он сменил окровавленный хирургический костюм на свежий темно-синий скраб. В одной руке он бережно нес стерильный шприц со свежесцеженным молозивом Екатерины, а в другой — планшет с контрольными утренними показателями газов крови и коагулограммы.

Его серые глаза встретились с моими — без тени прежней настороженности, с открытой, глубокой теплотой:

— Как наш боец, Снежана?

— Держится, — тихо ответила я, боясь спугнуть хрупкую тишину. — Гемодинамика стабильна. Но пора кормить.

Я аккуратно ввела тончайший силиконовый зонд в ротик малыша. Набрала в шприц два миллилитра густого янтарного молозива и начала медленно, капля за каплей, подавать питание в желудок.

И вдруг крошечный сфинктер желудка не удержал объем. Молозиво плеснуло обратно, раздражая незрелый надгортанник. Ребенок поперхнулся, втянул животик и рефлекторно замер — монитор тревожно пискнул: апноэ восемь секунд! Сатурация начала стремительно сползать вниз.

Я среагировала мгновенно: тонким катетером микроотсоса saniровала ротоглотку, подушкой пальца мягко провела по стопе малыша, стимулируя дыхательный центр, и переключила подачу питания на непрерывный шприцевой дозатор со скоростью полмиллилитра в час. Ребенок сделал глубокий, судорожный вздох, и розовая волна снова залила его щеки.

— Чисто, — выдохнула я.

Но датчик газов крови показал тревожное снижение парциального давления кислорода до 52 миллиметров ртутного столба. Молодой интерн ОРИТН тут же потянулся к жесткому контуру интубационной трубки:

— Сатурация падает! Надо снова интубировать на ИВЛ!

— Не смей! — я резко отвела его руку. — Повторная интубация на таких незрелых легких разрушит сурфактант и загонит ребенка в бронхолегочную дисплазию. Мы переходим на Infant Flow.

Я переключила модуль на шадящий двухфазный назальный СРАР Infant Flow с переменным генератором потока, выставив положительное давление конца выдоха ровно на пять сантиметров водного столба. Мягкие силиконовые канюли легли в крошечные ноздри. Нежная микропульсация расправила базальные альвеолы без баротравмы. Через минуту монитор звенел победными 96%.

Даниил не отходил ни на шаг. Он опустил руки в стерильных перчатках через силиконовые рукава внутрь кувеза.

— Посмотрим безусловные рефлексy, — негромко сказал он и протянул кончик своего мизинца к крошечной ладошке мальчика.

И произошло чудо. Крошечные сиреневые пальчики ребенка с поразительной, яростной жадной жизни намертво сомкнулись вокруг пальца взрослого хирурга!

Даниил замер. Его широкая грудь дрогнула от сдерживаемого дыхания. В его глазах мелькнуло такое благоговение, от которого у меня перехватило горло. Не разрывая хватки малыша, он свободной рукой мягко накрыл мою ладонь, лежащую на стекле купола. Сквозь холодный пластик я почувствовала обжигающее тепло его пальцев. В эту секунду мы были не просто коллегами по смене. Мы держали жизнь вместе.

Вдруг на панели кувеза замигала желтая лампа перегрева: контакты реле залипли, и температура воздуха внутри подскочила до 38.2°C! Даниил среагировал мгновенно: личным ключом отщелкнул сервисную панель, перевел блок в ручной сервоконтроль по датчику кожи живота на 36.6°C и откалибровал термистор. Температура внутри капсулы замерла на идеальных 36.7°.

Я попыталась подняться к стойке мониторов, чтобы внести параметры в лист наблюдения. Но стоило мне оторваться от табурета, как в глазах потемнело. Ноги превратились в вату — жестокий адреналиновый откат после ночного марафона ударил по сосудам. Я покачнулась, теряя опору.

Даниил оказался рядом в доли секунды. Его сильные руки подхватили меня под мышки и талию, прижав к своей широкой груди, и осторожно опустили в глубокое мягкое кресло:

— Дыши, Снежана. Опусть голову. Я держу тебя. Никуда не упадешь.

Я уткнулась носом в ворот его свитера, жадно глотая кедровый запах, и впервые за много лет позволила себе не сопротивляться мужской силе.

Через пять минут экспресс-билирубинометр показал нарастание непрямого билирубина у малыша до 175 мкмоль/л от распада гематомы. Я развернула фиброоптическое одеяло BiliSoft, укутав тельце ребенка мягким синим светом 450 нанометров — метод «светового конверта» блокировал токсичность без изоляции глаз.

В дверях появился утренний зав. ОРИТН с претензиями по расходу плазмы. Даниил молча встал между нами, заслонив меня широкой спиной, и бросил на стол лист анализов:

— Два живых человека, коллега. Подпись в протоколе. Вопросы есть?

Заведующий молча поставил печать. Мы вышли победителями.

Коридор оперблока встретил нас утренней прохладой.

— Я... мне нужно в ординаторскую, забрать пальто и вызвать такси, — пробормотала я, пытаясь вернуть привычную маску официальной дистанции.

— Никакого такси, — отрезал Морозов, мягко придерживая меня за локоть. — Ты едва на ногах стоишь. Сначала чай.

В ординаторской царил сонный полумрак. Старый деревянный шкаф от сырости перекосило, и замок намертво заклинил мою куртку внутри. Я дернула ручку раз, другой, чувствуя, как на глаза от бессилия наворачиваются глупые слезы.

Даниил подошел сзади, осторожно снял мои пальцы с ключа и повернул меня к себе:

— Снежана, перестань воевать со всем миром. Садись на диван.

Он усадил меня на старый зеленый кожаный диван. Подошел к тумбочке, щелкнул кнопкой казенного электрочайника — спираль с сухим треском вспыхнула синим дымком и перегорела.

Морозов усмехнулся:

— Больничная классика. Но у меня есть кое-что получше.

Из нижнего ящика стола он достал раритетную вещь: тяжелую медную кованую джезvu с длинной деревянной ручкой, стеклянную баночку с сухими травами и лабораторную спиртовку. Чиркнула спичка, заплясал живой синий язычок пламени. Даниил налил чистой родниковой воды из бутылки и бросил щедрую щепоть сбора:

— Горный чабрец, перечная мята и сушеная лесная земляника. Дед собирал в карельских лесах. Он говорил, что этот сбор выгоняет из костей любую стынь.

По комнате поплыл густой, дурманящий, летний аромат медовых трав и нагретой меди, мгновенно вытеснив запах спирта и карболки.

Даниил перелил темный янтарный настой в большую керамическую кружку и протянул мне. Я взяла её обеими руками — и тут меня накрыл запоздалый, колотящий озноб. Пальцы задрожали так сильно, что кипяток расплескался через край, обжигая кожу, а зубы выбили мелкую дробь.

Даниил не стал тратить слова. Он забрал кружку, поставил её на стол, сел рядом вплотную и накрыл мои ледяные ладони своими горячими, сильными руками. Он поднес их к своим губам, согревая мокрые от слез пальцы горячим дыханием:

— Тише, девочка. Всё кончилось. Вы выжили.

Я ждала упреков. Ждала жесткого столичного разбора: зачем полезла вслепую бужем, почему не сделала стандартную коникотомию? Но Даниил лишь расстегнул пуговицы на вороте меринсового свитера, который уже грел мои плечи, и аккуратно поправил мягкую ткань у самой моей шеи, застегнув верхнюю пуговицу.

— Тебе очень идет этот свитер, — тихо сказал он.

Внутри меня что-то оборвалось и растаяло. Каменное оцепенение, сковывавшее меня неделями, отпустило, плечи расслабились, и спазм в груди наконец растворился в живительном тепле.

Вдруг на журнальном столике завибрировал мой телефон. На экране высветился московский контакт: «Кирилл. Зав. ОРИТ».

Сердце оборвалось в ледяную пропасть. Меня замутило от ужаса перед знакомым ядовитым голосом, который три недели назад уничтожил мою репутацию.

Даниил увидел, как с моего лица сбежали последние краски. Не задавая вопросов, он протянул широкую ладонь, накрыл экран смартфона, сбросил вызов и нажал кнопку выключения питания.

Экран погас.

— Прошлое мертво, Снежана, — твердо сказал он, глядя мне в глаза. — Оно больше никогда тебя не тронет. Ты здесь. И ты дома.

Я сделала первый за три недели глубокий, свободный вдох.

— Почему ты остался здесь, Даниил? — тихо спросила я, глядя в окно. — С твоими руками тебя оторвали бы с руками в любой столичной частной клинике.

— Мой прадед, Андрей Васильевич Морозов, был земским акушером, — улыбнулся он. — На санях в буран ездил по хуторам, оперировал при керосинке. Дед учил меня по его записям: медицина — это служение там, где людям некуда больше бежать. А ты?

— А я выросла в военных гарнизонах Заполярья, — призналась я. — Отец был военным хирургом. Я всю жизнь кочевала по казенным углам и никогда не знала, что такое свой настоящий дом.

Горячий настой чабреца разлился по телу живительным теплом. Веки отяжелели. Моя голова сама собой опустилась на крепкое плечо Даниила. Он не отодвинулся — лишь бережно приобнял меня, удерживая плед.

Я провалилась в целительный сон на двадцать минут. А когда санитарка тихо стукнула в дверь, я проснулась оттого, что Даниил мягко улыбался, глядя на мой сонный румянец:

— Поспи еще, Снежана. Ты в безопасности.

Глава 4

Спустя два часа я спустилась на цокольный этаж за архивными бланками коагулограмм. В полутемном коридоре приемного покоя пахло сыростью, хлорной известью и застарелым больничным страхом.

Внезапно из смотрового бокса номер два донесся звон разбитого стекла и истошный крик санитарки:

— Врача! Сюда, помогите!
Я рванула дверь на себя.

На узкой кушетке в жестоких тонико-клонических судорогах билась молодая женщина в грязном, рваном болоньевом пальто. Вера, двадцать восемь лет, срок тридцать шесть недель. Её лицо было багрово-синюшным, челюсти сжаты с нечеловеческой силой, изо рта хлестала пенистая алая слюна от прикушенного языка. Судорожный спазм голосовой щели намертво перекрыл дыхание — эclamпсический статус! Молодой дежурный интерн в панике жался к стене.

— Не стоять! — крикнула я, бросаясь к кушетке.

Я навалилась всем телом, с силой повернув голову и плечи женщины на левый бок, чтобы предотвратить захлебывание кровью. Металлическим шпателем с хрустом разжала сомкнутые зубы и завела упругий силиконовый воздуховод Гведела номер три.

Хриплый, свистящий вдох разорвал бокс.

— Кислород восемь литров в маску! — скомандовала я санитарке. — Реланиум десять миллиграммов внутривенно немедленно!

Судороги слегка отпустили, но мышцы шеи продолжали мелко подергиваться. В укладке смотрового бокса не оказалось готового раствора магнeзии — процедурная сестра забыла пополнить запас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.